

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА

ЖИЗНЬ БЕЗ

С Т И Х И

Москва 1997

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА ЖИЗНЬ БЕЗ

Библиотека журнала “Золотой век”
ISSN 0869-5849

© Татьяна Щербина, 1997

© **ОНЕГИН**, макет, 1997

© Иван Кочкарёв, иллюстрации, 1997

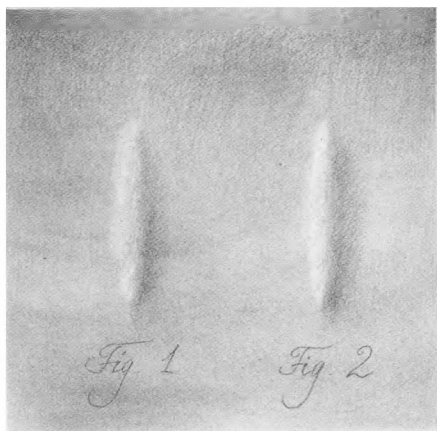
ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА

ЖИЗНЬ БЕЗ

С Т И Х И

Мюнхен - Париж - Москва

1992 - 1996

ARC-EN-CIEL

Больше всего я желаю знать, где сидит фазан,
как ему в венском лесу куковать, что он по вечерам
думает (обо мне ли, нет?), и принять нет сил
пытку навеки, жить без. Просто принять как стиль.

Было что в серый сонм недель и пешеходных зон
дождь заливался как соловей, тут и раскрылся зонт
полосатый, яркий, и я за ним
в зоопарк, в кино,
и наплевать, что под ним пингвин
был, было всё равно.

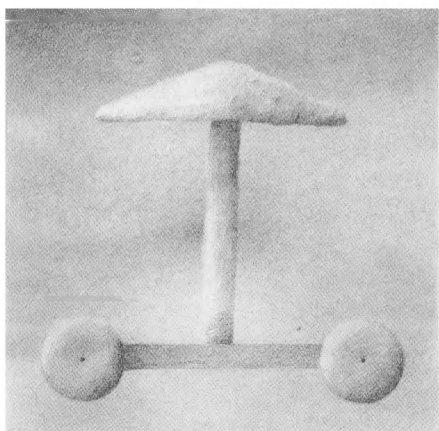
Радужной стала кровь во мне, серое вещество,
я не думала, что любовь - химия, колдовство.
Кончился день, кончился дождь, будто закрыли кран,
меня, опираясь на зонт, сгрёб дикий орангутан.

Красно-оранжево-желто-зелёно-синь
и фиолетов - однажды возьми да сгинь.
То мне покажется вдруг похож кто-то в толпе людей,

то среди птиц, или зверей, или же рыб в воде.
Как сообщил источник - смотри не смотри вокруг,
зонтик забыт в кафе “Штраус”, а может, “Глюк”.
В детстве узнала я звук волшебств: “отворись, Сезам”
и “Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан”.

1996

П а р и ж

* * *

Я разбилась в Альпах, на горнолыжном витке, в Шателе.
Я кричала и выла три года, что очень долго,
и боюсь упасть теперь даже в своей постели,
потому у меня всегда при себе соломка.
Проку в ней нет, напротив, в лицо прохожим
я швыряю ее, и потом со стыда сгораю
Господи, кто ж невредим бы прожил,
когда жизнь разбилась, не то что бы молодая,
но такая, чтоб в сумке носить помаду, духи и пудру,
а не пук соломы вдовы соломенной, даже хуже,
будто все поумерли или прошли сквозь вуду,
и вот мне б не сверзнуться по дороге в лужу.
Притяженье земное во мне поломалось странно:
я могу упасть и на дерево, в ближний космос
и в любые несоциалистические страны.
И никто не знает доподлинно, в чем загвоздка.

1996

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ

Жизнь без тебя заброшенна, убога,
недорога и просто недотрога,
кошмарносонна как ларек в Ельце,
продрогнута в холодном пальтеце,
бесчувственна, безапелляционна,
и страшный суд, вершимый каждый миг -
лишь скучная мичуринская зона,
где степь да степь да друг степей калмык.
К чему ни прививайся, к розе или
к советскому дичку,
я всё как лошадь загнанная в мыле
под стать качку,
который бицепс воли накачает
и терпит вновь
жизнь без тебя, в раздоре и печали,
моя любовь.

1996

ИЗВЕСТНЫЕ ВЕЩИ

Счастье вредно будучи наркотиком,
а успех полезен для здоровья,
человек плохой похож на котика,
а хороший - на седло коровье.
Как оно удобно и не надобно!
Как с котом забот невпроворот!
На пути котинном рвы и надолбы,
на седле коровьем - недород.
В небе журавлем, прекрасным принцем я,
вовсе не синицею в руке -
золотым руном и синей птицею,
дорожу как замком на песке.
По любви песок с цементом схватится,
а седло с коровой - никогда,
кот начнет ходить в песочек с пятницы,
а синицы гадят кто куда.

1995

Где утешительная вещица,
награда за смелость?

Горе забудется, чудо свершится -
в песенке пелось.

Пляжей, парижей, цветов не люблю, ресторанов, гостиниц,
автомобилей и фоток нарядных из “мыльниц”,
я не торчу на уюте, духах или винах,
я не люблю, я совсем не люблю нелюбимых.

Но в шалаше, под мостом, на любом перекрестье
я тебя жду, утешительный приз мой, мой Оскар из жести.

Мне золотого не надо, мне пережитого
хватит до гроба. Как самого веского слова
мне твоей патоки жалкой хватает, чтоб с нею
я обожала всё то что принять не умею.

1995

Мне отключили горячую воду,
жидкость любви и словесный поток.
Мне бы пожаловаться народу,
но накинут платок на роток.
Так без живительной влаги и сохну,
с грязной посудой вдвоем.
Мхом порастаю, а может, и мохом,
может, и вовсе былзем.

1995

НИЦШЕАНСКОЕ

Вот ходят люди, всё у них нормально,
а у меня хронический облом -
визжа, как если б я в разгаре ралли
нажала тормоз - бьется в стенку лбом.
Облом: не добежать и не согреться,
облом: не отрекаются, любя,
и в тело превратившееся тельце
гуляет в Ницце, выйдя из себя.
И я часы считаю, дни, недели,
считаю много больше, чем могу,
как воды поднялась моя затея:
Париж осел под Сеной, Кремль в снегу
утоп как жук в стеклянном сувенире,
и Ницца тихо спит на дне морском,
где я как сыр катаюсь в местном жире,
надеясь переплыть через облом.
Как будто за обломом вьется речка,
и я перетекает в речи в уоу,
земля вздыхает, теплая, как печка,
и я тебя по-прежнему люблю.

1995, Ницца

Что воешь, трубка, как сирена,
не шепчешь мне на ушко сказок?
Выходит, что и вечность бренна:
сошла с ума. ушла на базу.
А я в нее вложила годы
дизайнерства и модельерства,
искала новые подходы,
писала "хуй" на занавеске.
Я вечность прождала в подъезде,
в истерзновеньи телефонном,
она всегда была на месте,
своем заведомом, посконном.
И вот теперь прошло и это,
и свято место пусто, мглисто,
вся вечность - времени примета,
и hasta, стало быть, la vista.

1995

Что осталось от козлика? Рожки,
простые рога.
Ножек совсем не осталось,
длинных и стройных.
Козлик пустился в бега,
и в копытце нога -
всё что полиция может сказать
о приметах забойных.
Люди, сыщите мне козлика,
тушку и шерсть,
гладить, чесать ее буду,
и время замерив,
буду смотреть, как оно истекает из зверя,
нечеловеческий мне сообщая замес.

1995

Мишель. Кальцоне. Аркашон.
Не прихоть и не панацея.
не только солнцем обожжен,
не просто сужен ворожеей.
Ну сколько ж ждать же! Долог долг,
но дольше жажда ожидания,
и не надоедает слог,
слагающий любовь и тщаңе.

1995

*"Лето - время комаров" - надпись
в лифте "Гранд-Отеля Европа" в Петербурге*

Лето - время комаров.
Пирожок с котятками
весь покусан до зубов:
не знаком с порядками.
Нельзя окна открывать
в европейской горнице
и ложиться на кровать
с начатой любовницей.
Не тобою началось,
не с тобой скончается,
там в долине бродит лось,
всё идет, качается.
Но настанет светлый миг,
платье серебристое,
и тогда шмяк-шмяк, шмыг-шмыг,
отпадут ветвистые.
Будет время не клопов,
не мышей, не оводов,
ну не делится любовь,
и не слышит доводов.

1995

Душа отвергает подачки и требует взятки,
которая мне и во сне-то теперь не по средствам,
она не внимает, уходит поэтому в пятки,
оставив меня с однобоко подсвеченным детством.
Тут в пятку колючка вонзилась, душа завизжала,
а я с кавалером степенно, ни крика, ни вздоха,
как будто не чувствую этого терпкого жала -
я вынуть его не могу: изменилась эпоха.
Я даже иду не босая, и спутник в асбесте,
чтоб не загореться, о чувствах меня вопрошает,
я - всею душою, да только душа не на месте,
со временем вместе в шантаж подалась как большая.
Корысти корысть, выгод выгода, равная жизни -
на меньше душа не согласна, любовь ей верните,
того, с кем она обитала в раю, в парадизе,
откуда изгнали ее из-за спорных событий.

1995

Всё что овал - утка.
Как порочен круг,
так бессмертна дудка.
Сваливается вдруг
одеяло с неба
и дальше - на пол.
Ты, голый комочек хлеба!
Черепица краба -
домик, в котором сохнут,
но не уходят.
Действительно плохо,
если нет хода.
Вино с шоколадом - праздник,
водка с блинами - траур,
и поди не увязни
в венках из аур.

1993

Меня убивает бессилье
пчелы, что осталась без улья,
что тьма сколдовалась из сини
и то что меня обманули.

Цветов навидавшись до ряби,
пыльцою набита как пылью -
ее б претворить по-приапы.
Как русский уча: "рыбыплыли",
я всё повторяю: ее бы
в секрецию света, в янтарный
густеющий всплеск, без микроба,
без пены, без дыма, без раны.

Ее бы в медок на розетке
на дачной террасе за чаем,
дед с бабушкой: "На тебе, детка",
а я: "не хочу", - отвечаю.
И я не хочу и не буду,
мой выбор пока беспределен,
заставы, побег, запруды,

душа еще как бы не в теле.
Но вот наступает мгновенье,
где всё окончательно, ясно,
нет проб и ошибок, сомнений,
всё так, а не эдак, и баста.

1994

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ АВТОМОБИЛЕ "ЛАНЧА-ТЕМА"

Бордовую тему вела
моя лысоватая муза
от Пьера Кардена, козла,
от их шерстяного союза.

Я загнана кием её,
лежу шаром в лузе, не юным,
и не шелохнусь, как бельё,
отжатое в тазе угрюмом.

Но помню разбег по горам,
по дюнам, по венам, по винам,
и музу, имущую срам,
не стыд - называю любимым.

Он, муза, музчина, свинья
объелся брюссельской капустой,
он продал не тему - меня,
окрасив в бордо мое чувство.

Я темную рану лечу,
горит зажиганье и фара,
и я зажигаю свечу
за упокоенье пожара.

Дни капают, все как одна
и всё предпоследняя капля,
хоть чаша полна, да без дна,
стоит на болоте как цапля.

Сюжет её: "боль и обман"
и "память о воле к победе",
она неподвижна как жбан,
она никуда не поедет.

1994

Прощай, прощай, поэзия,
российский двор, порожек,
прощайте все претензии
на то что Бог поможет.

Душа - сплошная ссадина,
и в бездне унижений
свело ей мускул пряденый.
Прощай же, поражение!

Прощай, домашний оберег,
любовь, счастливый полюс,
я недопела в опере,
я потеряла голос.

Как с чучелом обвенчана,
из миски пью до донышка,
мне чудилось быть женщиной
да завести ребеночка.

В Берлине стенка рухнула,
всех перетасовала,
смела, убила, стукнула.
Я вышла в тень провала.

Прощанье ритуальное -
прощанье понарошке:
"прощай" - итог, испарина,
заклятье черной кошки.

1994

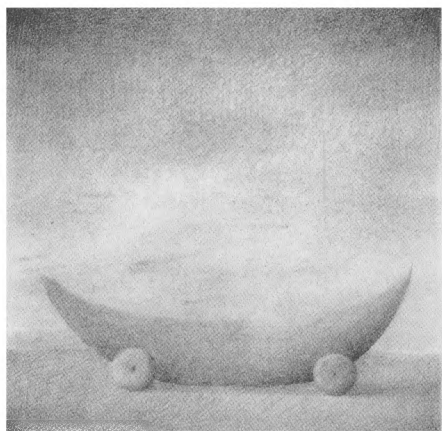
Как тигрица по клетке
в ожиданьи просвета,
то вино, то таблетки,
две зимы, снова лето
раскрывает ручонки
в хлорофилловой жажде,
и скребется в печенке,
и плывет всё отважней
по натянутом в струнку
острой тянущей болью
синим жилкам, и в бункер
рвется с бранного поля.
Плоть в заплатах медалей
за терпенье и веру,
в ней прострелены дали
как прыжки в атмосферу.

1994

Надежда умирает не последней.
Любовь и в коме дергает крылом,
копытом или вот еще намени
пошевелила сломанным стеблем.
А первым рейсом отлетела вера
и долго пустота держалась на плаву
пока цветной платок ее не выцвел в серый.
Над пропастью во ржи, под насыпью во рву,
на черствой, перекошенной лужайке
последний одуванчик рву,
и точка, удаляясь в стайке
всех запятых, что были до нее,
не оставляет хвостика, схватиться
мне не за что. Ни морга, ни больницы,
ни дна, чтоб лечь на дно.

19 95

М о с к в а

* * *

Говорят, если гложет тоска, измени
дом, страну, гардероб и прическу.
Я уже. И еще лик на облик страны
поменяла, и гвоздь на загвоздку.
В душный погреб души отнесла узелок
с небольшой, но весомой поклажей.
Кофе выпила, съела печенье, глоток
заглотила, наклюкалась даже,
переставила мебель, сменила замки,
долго плешь проедала в народе,
отвечала на зовы судьбы и звонки,
всё напрасно - печаль не проходит.
Средства есть теперь всякие: "от", как и "для",
От разлуки с любимыми - тоже.
Я хочу быть с тобой до последнего дня
и потом. И потом, если можно.

19 95

Хочется - сбудется, только позднее, чем надо.
Между Землей и Мечтой - световые года.
Нынче за ужином капельки яда
всё выступали на нёбе и меркла еда.
Звуки во тьме очевидней, и чавканье тоже.
Грузный партнер засыпает как сом.
Вот и еще один день не с тобой - героически прожит,
так что хоть волосы дыбом, да грудь колесом.
Всё посбывалось, лишь ты остаешься не сбытым
чудом на рынке господнем. Заказ устарел:
хоть ты и кальцием стал бы, седым трилобитом,
жизнь без тебя всё равно - беспросветный пробел.
Ты нас не знаешь, российских бестрепетных ланей,
наше терпение терпче французских духов,
наша любовь - бесконечней любых расстояний,
нам до Мечты - как до самых простых Васюков.

1995

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС

Может, я взопрею и раскаюсь,
но остановиться не могу,
и бегу как угорелый заяц
не в ту степь. За разум. Не в дугу.
Мы болеем за наличие цели,
а не за спортсмена-дурака.
Виноград не красен и не зелен,
он желанен. Цель моя близка.
Там, где нет ее, сомненья демон
мой знакомый давний, сеет блажь
логики, разрисовавшей темень
растром. Но сейчас мной правит раж.
Не витраж - орган в ушах от ветра,
мимо проносящейся канвы
строит храм в протяжном километре,
на котором надолбы и рвы.
Я бегу в отчаяньи высоком
к яблочному Спасу под венец,
сидром, пирогом, вареньем, соком
август отмечаю, наконец.

Оставляю тайны летних дупел,
талость мартовского бугорка,
как Бетховен, я глуха к наукам
и влекома песней про сурка.

1995

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Я в час по чайной ложечке обиду заглотала,
хожу с большими вилами, сбиваю пену в стог,
и мне ужасен солнечный, объятый сном любовничным
зайчонка старый кроличий, обвившийся у ног
как путы путеводные, само противоречие,
противочеловечие: где вылез, там и ввяз.
Я по Никитской улице иду, расправив плечики,
горят в глазах слезиночки как вызовы на связь.

1995

ПАВЛИН

У меня пропал павлин, а не кошка,
не собачка, и не розовый кролик.
Он плясал, расправив хвост как цыганка,
у меня внутри аж свет зажигался:
пламя, солнце, электричества брызги.
Хвост павлина был салют ежедневный.
Не хочу я брать взамен попугая,
дураком его в лицо называя.

19 96

МАРТОВСКИЕ ИДЫ-96

1

Как в известной сказке
"Маленький цветочек"
я сижу в запаске,
тереблю платочек.
Думаю не думу,
и не чувство чую,
мне давали сумму
денег, жизнь чужую.

2

Услышав пресладчайший голос,
я стала мартовским котом,
с моей главы сорвался волос
и лег приятным завитком.

3

Был шквал приобретений,
теперь касакад потерь.
Так бурность жизни непоколебима.

4

Привет ньюсмейкеру и ВИПу,
да здоровствует евроремонт,
а романтическому типу
остался понт.

5

Когда мужчине не давали,
так и зарплата прекратили
или работа не давали
и феминизм расцветали
или мужчин не полюбили.

1996

Эксперимент закончен не..неблаго..неполучно,
душа осталась на Луне, и тяжесть не научна:
земного притяженья нет, не заберешь обратно,
на самой плавкой из планет устойчивые пятна
несчастья, что не сходит с рук при омовеньи мылком
и счастья, что не сходит с рук в поминовеньи пылком.
О будущем подумать - не.. ни те, ни эти нети,
не будет истины в вине, не заведутся дети.
Не заведется механизм мечты вечнолюбимой,
и неприкаянный каприз, всё также вечно мнимый
берет реванш, его - ату, но нет того, другого,
темно в глазах в ушах во рту от горя неземного.

1995

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Вчера блины под насморк, и день весны за хвост
меня схватил как пастор, чтоб соблюдала пост.
А я ведь с постной рожей уже давным-давно
хожу, мороз по коже, чесотка заодно.
Ведь кожу раздражает хватанье за грудки,
я только поражаюсь, что нет еще цынги.
Давно без витамина, давно без огонька,
хотя стоит дымина, пока я жду звонка
безмолвно безнадежно, проваливаясь в грипп
как в маленькую бездну, как в рощу старых лип,
что новой липы краше, заслуженней, честней.
Весна несет мне кашель и короля червей.

1996

Кроме любви всё
покупается. Можно выкрасть,
захватить забодать милостыню просить.
Перейти в буддизм даже когда ты выкрест.
Перекроить мужика в бабу или же в травести.
Страшная может стать записной красоткой,
пожилая дама скостить лет пять,
негр - побелеть, черным стать гражданин Чукотки,
если поедет в Африку погулять.
Можно родить из пробирки, в мгновение ока
в пыль превратить Нью-Йорк, полететь на Марс,
кроме любви
во всем воли больше, чем воли рока,
контртенором запекает бас.
Кроме любви и смерти и, впрочем, дара,
нам подвластно всё. Завоевать в бою
или пасть от вражеского удара,
но ни дать ни взять странный форпост *Люблю*.

1996

Ко мне пристал бананный лист
и бранный дух,
и сосчитать не получается до двух.
Перстом судьбы путь преградил мне хрен,
и выбор заменился на гаданье:
что будет меньшим злом,
безбытность или плен,
учтя, что тот же хрен коварен как пиранья.

Ничто не хорошо, когда нехорошо.
Заливка солнцем города родного
и прочий мир, открытый и большой,
где самой главной фишкой было слово.
Совсем недавно жизнь ушла из слов,
ее последний адрес неизвестен.
Вдыхаю бриз с мальдивских островов,
вкушаю сыр, обманчивую плесень.

1996

КОНЕЦ ИСТОРИИ

Быть не может, чтобы не было расплаты
за такие дорогие злодеянья,
быть не может, чтоб их просто подарили,
чтобы ангелы не подняли восстанья.

Вспоминая исторические сцены,
как эфирный бисер волн перебираешь,
и всегда всё то же: пением Сирены
в ад заманивали обещаньем рая.

Цвет у травки стал из солнечного синим,
мономашеская шапочка сдавила,
и откуда ни возьмись Пожарский, Минин,
как какая-то неведомая сила.

Были сладко перепутаны поводыя,
управление полетом шло успешно,
муки посланных на пьяном пароходе
наслажденьем отзывались в их кумире.
Опыт в том, что и прозренье неизбежно,
и злодей-тонкач не может не зарваться,

тут его и останавливает нежно
знак "кирпич", а иногда и князь Пожарский.

Нет истории, есть общество историй,
надо взнос туда платить и ждать путевки
профсоюзной, по страховке, в санаторий,
что, конечно, тоже требует сноровки.

1996

СЧАСТЬЕ

Оно похоже на циклон,
что с Пиренеев в Альпы гонит,
пуская по дороге гром,
искру в прокуренном вагоне.
Оно похоже на Бордо,
где кончились духи, вот жалость!
Мне подарили там ведро
для слез, чтоб мало не казалось.

Оно похоже на кафе-
в жару -мороженое ночью
вдвоем. На аутодафе -
одной, на пух и прах и клочья.
Оно мне в руки не далось
хоть и летело низко-низко,
хоть и сопело близко-близко,
и только показало нос.

1996

И летопись окончена моя,
и всяческий мучачос страстолюбский,
не надо, люди добрые, ля-ля,
что не один есть муж товарищ Крупский.
Все остальные - лишь вопрос толчков,
не в смысле унитазов - в смысле толку,
который как горошки из стручков
насыпется по чуть в зеленую горку.
Толчок к толчку. А в результате - толк:
не панорама мутная проулка
сквозь всхлип, а блеск оконный, правда, волк
всё смотрит в лес, не обойдясь прогулкой.
Хоть летопись окончена, есть "но":
я пережить не в силах овердозы
от улицы Акаций до кино,
которое мне утирало слезы.

1996

Настоялась со своим рублем,
наскакалась через обруч огненный,
нанярялась с головой, особенно -
в омут, то есть, в грязный водоем.
Также по колдобинам напрыгалась,
ноги стерла в кровь, скурилась в дым,
пальцы обкусала, в люди выбилась
из несостоятельных богинь.
А теперь я еду прямо в Африку,
может, снова стану божеством:
будут подавать в постель мне завтраки
и вилять весь день морским хвостом.

1996

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Последняя встреча - как минимум первый глоток,
так люди сказали, а люди умней всех на свете.
Я гвозди уже приготовила и молоток -
а как подготовиться к членовредительской встрече?
Боль острая, мне говорят, кратче тянущей, врут
про вздох облегченья: не зуб же, не школьный экзамен.
Последняя встреча уже через двадцать минут,
ты умер, скажу, для меня, зыркнув злобно глазами.
Бутылку вина осушив, на последний звонок
в цветастеньком платье бегу открывать этот траурный митинг.
Чтоб вдруг не сорваться в объятья, я съела чеснок.
Петушком, петушком, как советовал мне аналитик.
Меня поздравляли с победой над силами тьмы
могучего разума, вольнолюбивого тела.
Я дверь закрываю и знаю: начальник тюрьмы
меня не отпустит, пока не закроется дело.

1996

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Старый дог плывет в гондоле
с догарессой, мык да мык,
помыкает ей, она же
мыкается, мык да мык.
Дог гондолу покидает,
догарессу привязав
цепью, сделанной в Китае,
не японской "вырви-шкаф".
Догаресса же не знает
технологии цепи,
плачет воеет и взывает
к догу: дог, освободи.
Иногда на бережку он
появляется: гав-гав,
ей - навзрыд, да насмех курам
дог витийствует как граф.
Мы поедем, мы помчимся, -
говорит он, а пока
кто не ссучился - тот спился,
жизнь собачья нелегка.
Есть надежда, что хозяйка,

ведьма старая, помрет.
Ты мой персик, я твой зайка,
самой статной из пород.
Догаресса с боку на бок,
от зари и до зари
год за годом смотрит за борт,
нету дога, хоть умри.
И однажды по цепочке
ей передают сигнал:
старый дог дошел до точки,
и его Господь прогнал.
Тут к чертям собачьим цепка -
будто хватъ ее пила,
догаресса помолилась,
вдоль по Питерской пошла.

1996

"Кончается мой картридж,
всбж-02,*
кому теперь расскажешь,
что в сердце у меня, -
мне говорит Тошиба
486,
мне говорит спасибо
что вирус вышел весь,
что памяти не больно,
шаблон в своем уме,
что файлы подконтрольно
щелятся, все в письме,
бсбж бы справить
для Кэнона, 02,
ну хоть дискетку вставить,
распухла голова
в ответственном служении -
изделия из букв
хранить как отраженье
контакта клавиш, рук..."
Тошиба ты Тошиба,

ты в жизни ни бум-бум
и твой вопрос паршивый
моих не стоит дум.
Вот у меня в печенках
всbg, живьем,
сплошная неучтенка,
и бьющий в нос Боржом.
Нет выхода наружу,
распухла голова,
Но знаешь, только хуже
от вызовов 02.

1996

* вс-02 - картридж для принтера Canon-bj, всbg - французский термин (аббревиатура bon chic bon genre) для обозначения людей буржуазного стандарта.левой интеллигенцией употребляется иронически.

Подобно Сирано, я страшный спец
в мечтах любви, но не в самом предмете,
где я его фиаско сольный жнец,
а швец любви играет на кларнете,
украденном у Карла Кларой - то
история учений детства - сторицей:
произношу я сладко как никто
халва, халва - а слаще не становится.

1996

Я, наверно, потомок Колумба,
я Америк нашла - завались,
рядом пели мне: "Взвейся, Асунта,
синим пламенем, не промахнись!".
Кучерявое дело - держаться
на плаву, когда тонет корабль,
вертолетным винтом завиваться
и на шторм говорить: это рябь.

Я привыкла быть внучкой Атлантов
и любовницей многих богов,
к дверце в ад, как какой Анти-Данте,
напасла я секретных замков.
Лишь при мысли о взломе возможном
у меня выделялась слюна
клейче клея для дерева, кожи,
бриллиантов и чугуна.

Но однажды явился сказавший:
"Там, за дверью - потерянный рай,
обретем его силою нашей

оголтелой любви - отпирай".
И слюна моя сделалась соком,
долго звякала связка ключей.
Так и стала я стреляным волком
среди тертых до дыр калачей.

1996

Могла быть счастлива как бобик,
с хозяином на поводке,
могла протявкать: бесподобен
мир и подстилка в закутке.
Но в жизни так не получилось
и говоря уж всё как есть,
я как Маруся отравилась,
девичью запятнала честь.
С тех пор я стала ядовита
и мудрой злобности полна.
Я проклиная тот напиток,
и пью до дна.

1995

Неужели я больше тебя никогда не увижу,
никогда не узнаю, здоров ли ты, даже жив ли?
От отметки привычной спускаюсь всё ниже, ниже,
ниже некуда, кажется, но бесконечны цифры.
Так и плачу в уютном своем, но пустынном доме,
ежевечерне вдова, венчаясь снова.
У меня никого не осталось на свете кроме.
Я соврала, чтоб в дурной бесконечности вставить слово.
Неужели больше и голоса не услышу,
в рай не войду, в нирванну, лишь в супермаркет,
шляпку держа как съехавшую крышу,
с орангутаном кокетничая в зоопарке,
всё же надеясь на то, что однажды факсик
выплюнет мне утешительную депешу?
Я заплатила по самой высокой таксе,
жизнью, как здесь сказали бы нынче: кэшем.

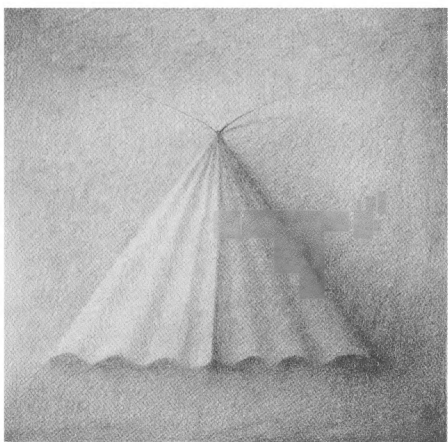
1996

ЗИМА

Прильнет - оса, лизнет - осока,
все кто не плоски - пустотелы,
жить без желаний - одиноко,
хоть что-нибудь бы захотела!
Хоть чем-нибудь бы восхитилась,
легла б на травку или в клевер,
но тут как максимум есть силос,
поскольку это крайний Север.
Глядишь как на экран на прорубь
и ловишь рыбу ледяную
и ей показываешь норы,
ну не слезу ж свою скупую
показывать безмозглой твари
и не кокетничать! И если,
она не девочка, а парень,
я все равно не стану песни
ей петь про берега другие,
где я не с удочкой в тулупе,
а в декольте стояла с кием,
но было не дуплетом - в дупель,
и вывели меня из зала.
Я мерзла так, что стала синей,
от этого зима настала,
где жажду утоляет иней.

1996

М ю н х е н

* * *

Весь город озарен влечением,
все улицы - мои следы,
дома как теплые печенья
вбирают запахи среды.
К зеленым нервным окончаньям
кустов добавились цвета,
среди них бордовый - цвет печали
и всякая белиберда.
Вдруг город гаснет, вдруг, воочью
он, только что еще живой,
стоит, обуглившийся ночью,
днем - как покойник, восковой.
Смотрю в чужие окна, лица,
и со знакомого пути
сбиваюсь - может, в Альпах скрыться
иль как Суворов - перейти.

1991

Туман загустел будто плаваешь в чаше с крахмалом -
остынет, хрустя, но хотя бы болеть перестало,
февраль пережить бы с красавцем персидским котом,
глядишь, и узнается то что случится потом.
Конец нашей эры во чреве с Россией, со мною,
мне кажется, жизнь не способна быть больше земною,
куда мы уходим с молитвой "Господь, не оставь"?
Я с миром вступаю лишь косвенно в свинг и мэйн лав
сквозь лист с черной сеткой, вуаль, без стекла и металла,
я вижу вас вспышками света на грани кристалла,
а тело мне как телескоп, приближающий блик,
и он обретает черты переходных калик.
Туман всё опутал, и снежной мукой осыпаясь,
принес осторожный покой, как ребеночка аист.

1992

В итальянском ресторане шестиглазый визави,
треугольная клубника, красна ягодка любви,
легкий зонтик над gelato, признак счастья и тепла,
но сигналы пиццикато катятся по верху стола.
В их пересеченьи роза, поджимая лепестки,
чувствует себя мимозой, из мороза под грудки.
Справа луч испепеляет, слева в горле снежный ком,
между - птица пролетает, задевая всех крылом,
о трехмерное пространство бьется клювом. Дважды два -
три: как будто три опоры, но шатается судьба.

1991

Чтоб не было видно, ночами кончается лето,
уходит земля из-под ног, покрываясь асфальтом,
и выцветшей тряпкой купальник валяется, бедный,
что было под ним - еле живо под длинным халатом.

Листва стала грубой, слова и ботинки под дождик.
И нежность, возможно, уже никогда не проснется,
она так же смертна как вот, расфырчавшийся ёжик,
нашедший подругу в траве с дураком длинноносим.

Ах лето, с собой уносящее столики с улиц,
из теплых садов уводящее голые спины,
попала под дождь - а как будто попала под пули,
чего-то сказали - а будто бы просто избили.

1991

Кто хвостик просунул погреться,
тому ветер в спину - попутный,
но дверь приоткрытая держит
избушку мою неуютной.
Протиснется волк своей тушей,
лиса проскользнет в продолженье,
и вместе задушат зайчонку
и кости съедят с бешамелью.
И нежное мяско трепещет
от выбора смерти дурацкой.
есть суть неизменная вещи:
есть дверь - чтобы ей открываться,
душа - чтоб пустот мирозданье
не знало, чтоб рваться - аорта,
чтоб были покровы - есть тайна.
Нет выхода. Входов - до чёрта.

1991

Бездарность к аскезе велит пощипать с колков
ниже взятой высокой ноты,
вальс меня крутит в пьяные повороты,
а подо мной разлеты ночных китов,
чрево нами набив, расправляют лопасть.
Мне высока эта вышка, но не сойти,
пропасть внизу, и мой дом - это тоже пропасть,
руку дадут мне - и чувствую снег в горсти.
Много внизу: в кружевах и бархотках мама,
в кобальте, золоте, ониксе - у плиты,
и у меня без костюмов и пауз - драма
в милой квартирке, впитавшей мои черты.
Мюнхен - точеный, палевый, как ракушка,
а по Москве ураганы, бои, зверьё,
я к ним привязана, как к простыне подушка,
простынь в крови, а у перышка - остриё,
буря-буран-буренка-бурят-бурчанье,
время пойдет обратно, с оси слетев,
я для кого-то грею бездонный чайник,
свет стал огнем на эоловом вертеле.
Боже, как неотступна, недостижима,

хоть не храни - сохранна, жива, больна,
рана, антенна, и ясно ведь, что вершина, -
мне бормотал экстатический голос сна.

1992

ПРОГУЛКА НА КЛАДБИЩЕ

От астры, терпкой вяжущей зверь-ягоды,
от самой от венериной креветки
восходит ток, и я, ушами прядая,
у изголовья раздвигаю ветки.
Восходит ток, и обрастает перьями,
соцветьями и гроздьями молочными,
земные соки молятся деревьями -
у неба обрывается источник.
И ток пунктиром, брызгами брусничными,
воронку образует в кромке мха,
на кладбище меж стелами античными
тем чаще пульс, чем каменной века.

1991

ОТ РОЖДЕСТВА

Я пахну любовью, наверное, спермой и потом,
наверное, силой, толкнувшей меня в свет рождественской ночи.
Я всем помахала, я всех пожалела за входом,
я вышла, тобою подсвечена в пенной сорочке.
Я Микровенера, я статуя, рук твоих тело,
Империя пала, а я, сохраненная жаждой
в ее напряженьи рискнула слететь со скалы и взлетела,
коль брать Вашингтон - выше зданья Конгресса, но важно,
что ход незамедлен, неостановим, за висками
он в гроты ушные шлет влажное эхо, и только б
не высохла клейкая пленка, что правит мирками,
в которые можно богами войти ненадолго.
Мой привкус божественный кажется вкусом клубники
профанам, что лето и рай совмещают по теме,
и чудо услышать, как блик леденящей снежинки,
рождая Христа, размыкает земные сцепленья.

1992

То ли день, то ли год, то ли вечность,
кто же знает о том наперед,
сколько высидит Маргарет Тэтчер,
сколько длится медовый улет.
Сколько можно запомнить наречий,
на два тома имен на слуху.
Весь мой путь - бесконечные встречи,
я всё дальше и дальше бегу.
Сколько будет душа вырываться
из моих попустительских рук
для рискованных своих навигаций?
Я ей брошу спасательный круг
и засну, хоть и утром, но дома.
С каждым днем барельефней коллаж,
кто такой этот Томас - не помню,
Дилан, Манн или таллинский страж.
И ведь будет последняя строчка,
будет ужин последний и снег,
поцелуй и последняя ночь,
и последний живой человек.

1991

Жар - болезнь, и я в постели как в камине
брежу, будто я лежу в автомобиле,
и на мне как на снаряде, как на mine
разрывается скорлупка звездной пылью.
Я осыпана как пудрой клейким светом,
распинающим меня для ласки свыше,
не пройти мне невидимкой под навесом:
прилипают к окнам угли, из-под крыши
башен, скорбных как остывшие каминны,
смотрят, корочкой шуршат, боясь, что брызнет
теплый свет из створок устрицы-машины,
а меня не отпускает клейкость жизни.

1992

Я поставила точку,
но она поплыла,
вдруг мне дали отсрочку -
я коснулась весла.
Сорвалась моя лодка
с заржавевшей цепи,
что, взвиваясь как плетка,
догоняет в пути.
Цепь еще означает
населенный причал,
чашку теплого чая,
муку, холод, печаль.
Но соленые брызги -
слезы тех, кто в беде.
Мне не писан их вызов:
я иду по воде.
Как советской скульптуре,
пионерке с веслом,
говорю себе, дуре,
не переть напролом.
Будто йог на качелях -

тяготенье долой -
меня держит свеченье
как Луну над Землей.
Я свободна в отсрочке,
я еще влюблена.
Не сжимайся до точки,
Бог, пославший меня.

1991

* * *

С возрастом улучшается память,
ничего забыть невозможно.
Зрение ж портится: новое как сквозь наледь.
Старый свитер, баюкающий кожу,
друзья мои, тут хоть выпей литр,
не забудешь проектов наших
о новой Мекке,
и коронную манную кашу
за три копейки.
Мы, конечно, создали
каждый свой замок, крепость.
Тут бы жить, да поздно,
а может быть кукареку,
петушиное слово кто спишет,
чтоб стать счастливым,
юным стройным, возвышенно
похотливым.
Мне лично лысина с брюшком
нравятся больше кудряшек,
то есть, больше чем Пушкин,
те с кем манную кашу

запивали винцом, веря,
мир нас взлюбит, yes,
а теперь одна за одной потеря,
валят, рубят лес.
Важно быть хорошим, дорогим, своим,
нами мир заброшен и отчизны дым.
Для меня стал главным этот узкий круг,
где бывает плавно, а бывает - вдруг.

1996

СОДЕРЖАНИЕ

Arc-en-ciel	5
<i>ПАРИЖ</i>	
Я разбилась в Альпах...	9
Жизнь без тебя	10
Известные вещи	11
Где утешительная вещица...	12
Мне отключили горячую воду...	13
Ницшеанское	14
Что воешь, трубка, как сирена...	15
Что осталось от козлика...	16
Мишель. Кальцоне. Аркашон...	17
Лето - время комаров...	18
Душа отвергает подачки...	19
Всё что овал - утка...	20
Меня убивает бессилье...	21
Воспоминание об автомобиле "Ланча-Тема"	23
Прощай, прощай поэзия...	25
Как тигрица по клетке...	27
Надежда умирает не последней...	28

МОСКВА

Говорят, если гложет тоска, измени...	31
Хочется - сбудется, только позднее, чем надо...	32
Яблочный спас	33
Солнечный зайчик	35
Павлин	36
Мартовские иды	37
Эксперимент закончен не...	39
Начало весны	40
Кроме любви всё...	41
Ко мне пристал бананный лист...	42
Конец истории	43
Счастье	45
И летопись окончена моя...	46
Настоялась со своим рублем...	47
Последняя встреча	48
Песнь о собаке	49
Кончается мой картридж...	51
Подобно Сирано...	53
Я, наверно, потомок Колумба	54
Могла быть счастлива как бобик...	56
Неужели я больше тебя никогда не увижу...	57
Зима	58

МЮНХЕН

Весь город озарен влеченьем...	61
Туман загустел будто плаваешь в чаше с крахмалом...	62
В итальянском ресторане...	63
Чтоб не было видно, ночами кончается лето...	64
Кто хвостик просунул погреться...	65

Бездарность к аскезе...	66
Прогулка на кладбище	68
От Рождества	69
То ли день, то ли год, то ли вечность...	70
Жар - болезнь, и я в постели как в камине...	71
Я поставила точку...	52
С возрастом улучшается память...	75

Подписано в печать 9.06.97
Формат 60х90/16, гарнитура “Ньютон”.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 1000. Заказ №5025

Товарищество “Золотой век”.
Москва, Манежная пл.1, ЦВЗ “Манеж”

АО “Типография “Новости”
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

